

Владимир Малягин

Из мертвого дома

драма в двух частях

Действуют:

- Федор Михайлович Достоевский
- Родион Раскольников
- Парфен Рогожин
- Дмитрий Карамазов
- Алексей Карамазов
- Софья Семеновна
- Глафира Александровна
- «Калашница» Двугрошова
- Петров

- Газин
- Анджей
- Эркель
- Лямшин
- Липутин
- Виргинский
- Виргинская

Часть первая

Бездонное пространство каторжного барака. Бездонное — потому что уходит в темноту, в бесконечность, а может — и вовсе в какие-то иные миры. Странна его обстановка: нары соседствуют с огромным диваном, несколько старинных стульев — с железной раскладушкой, в общем — смешение стилей и эпох.

На раскладушке лежит человек с папиросой в длинном мундштуке. Папироса давно погасла, а сам он задумчиво глядит в потолок. Это Раскольников.

Входит Петров, оглядывается.

Петров. Родион Романович, кроме вас — никого?

Раскольников. Чего тебе, Петров?

Петров. Хочу задать вам один-единый вопрос. Позволяется?

Раскольников. Задай.

Петров. Вот вы обучались наукам. Превзошли все университетские курсы...

Раскольников. Ну-ну...

Петров. А поскольку вы обучались

— то и научились, я думаю... А вопрос таков: когда человек находится во утробе матерней — он уже человек, или еще нет?

Раскольников. Странный ты, Петров, и вопросы у тебя странные, право... Зачем тебе это?

Петров. Так вы отвечать будете?

Раскольников. Видишь ли на твой вопрос у науки нет ответа определенного... Кто-то говорит: человек, кто-то считает — никакой не человек, так как сознания еще не имеет, а только зародыш...

Петров. Но зародыш-то человеческий?

Раскольников. Естественно, чей же еще!

Петров. Вот!.. Вот вы мне и

ответьте: если во утробе материей находится человеческий зародыш, то почему он — рыба?!

Пауза

Раскольников. Что-то я не понял тебя...

Петров. Да ведь коли он не рыба — то откуда у него жабры взялись, Родион Романыч?..

Раскольников (помолчав). Видишь ли, Петров, я учился больше не на естественнонаучном факультете, а на юридическом... Да и учился-то недолго в связи с... в связи с обстоятельствами... А ты откуда про жабры узнал?

Петров. Поляк сказал, Анджей.
Может, считаете, врет человек?

Раскольников. Не знаю... Может
быть, и правду говорит...

Петров. Но если правду — откуда
тогда жабры?

Раскольников. Ну, очевидно, есть
какая-то закономерность... А
впрочем, что ты ко мне с такой
чепухой пристал, Петров?

Петров. Думаете, чепуха? А я вот
как рассудил: зародыш в утробе
Христа преобразует... Вы же
помните, что Христа в древние века
в виде рыбы изображали,
помните?.. Отсюда и жабры, что по
образу и подобию...

Раскольников. Как у тебя складно
выходит...

Петров. У меня к вам еще вопрос: если путь от Земли до Луны в верстах измерить — сколько получится?

Раскольников. Да уж подольше, чем из Питера в Сибирь, уверяю!.. Но это-то тебе зачем? На Луну, что ли, собрался?

Петров. На Луну?.. Никогда про то не задумывался... А знаете, это бы, пожалуй, неплохо... Ведь на Луне, должно быть, людей-то нет?

Раскольников. Очевидно, нет.

Петров. Вот... Вот это-то, наверное, и есть настоящее счастье. Ровно на необитаемом острове, только еще надежней... На остров, пожалуй, и приплывет кто-нибудь, а на Луну-то — шалишь!..

Раскольников. Надоели тебе люди,

Петров?

Петров. И то!.. Все на людях, да на людях — одному и остаться нельзя... А бы, кажется, лучше в тюрьме в одиночке сидел...

Раскольников. Говорят, в одиночке тяжело...

Петров. Так это кому? Это Газину тяжело, потому что там вина нет и покаражиться нельзя. А вам или даже мне... Я одного такого знал любителя одиночки: восемь лет просидел человек, а когда пришла за ним, он даже на колени упал: не губите, мол, душу, оставьте меня здесь навсегда!..

Раскольников. Человек просит, чтоб его навсегда в тюрьме оставили? Да что ты врешь, Петров?..

Петров. Не умеете вы слушать, вот

и опять не дослушали... Ведь его не освободить пришли. Его на эшафот, к смертной казни.

Раскольников. Фу, Петров, заковыристый ты человек...

Петров. Ну, Родион Романыч, да кто у нас здесь простой-то? Взять хоть и вас тоже: дело сделали, две души на тот свет, а деньгами-то и не попользовались...

Раскольников. Петров...

Петров. Ладно, умолкаю...

Пауза.

Раскольников. А скажи, любишь ты книги читать?

Петров. Книги? Не знаю. Пожалуй, люблю, если больше заняться нечем.

Раскольников. А вот послушай-ка начало одной книги. Единственную первую фразу... Хочешь?

Петров. Скажите.

Раскольников откладывает в сторону папиросу, встает с раскладушки, отходит. Следующие слова произносит задумчиво и проникновенно.

Раскольников. «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в Столярном переулке, на улицу и медленно, как в нерешимости, отправился к Кокушкину мосту»... Понимаешь, Петров? Один молодой человек... А

человек это — я.

Петров. Вы про себя, что ли, книжку сочиняете?

Раскольников. Не книжку!.. Книжки — это про барона Бромбеуса... А это — книга... В ней все должно быть, весь наш мир!.. Только мне ее не написать...

Петров. А вы бы с этим, с писателем, который новенький, как его, революционер-то этот? Достоянский, что ли?

Раскольников. Достоевский? Нет, на него мало надежды.

Петров. Отчего же?

Раскольников. Гордый очень. Кроме себя, никого не слышит...

Петров. Это они поначалу все

такие...

Слышен шум, крики.

Раскольников. Что там за скандал,
Петров?

Петров. Говорят, Газин опять
напился...

Входит огромный арестант,
покачивающийся при ходьбе. Это
Газин. Его сопровождает поляк
Анджей, играющий на скрипке
танцевальные мелодии. Газин
осматривается, видит Петрова и
Раскольникова.

Газин. А, убийцы... Убийц я не трогаю... Убийц уважаю, поелику и сам убийца... Да, и вас, сударь (Раскольникову) уважаю... Не за старуху, конечно, старуха — тьфу!.. Топором по темечку — и косички в сторону!.. А за сестру ее, за эту девку престарелую... Ее, конечно, убивать позанятнее было, а?

Молчание.

Газин сегодня гуляет. Не составите ли компанию, господа убийцы? По чарочке, по одной!

В это время поляк опускает смычок.

Играй, сукин сын!.. Ты деньги взял?

Поляк играет.

Мошенники эти поляки... Деньги возьмут — и в кусты... Так будете пить или нет?

Раскольников. Газин, ты же знаешь, я вовсе не пью вина.

Газин. А ты, Петров?

Петров. Не откажусь, ежеле по чарочке...

Газин. Попробовал бы ты отказаться!..

Вытаскивает железную кружку, бутылку с водкой, наливает Петрову. Протягивает, но вдруг — передумал.

Стой, погоди, сначала сам выпью...

Выпивает, несколько секунд
переваривает выпитое.

Мало... Налью-ка еще.

Наливает, снова выпивает.

Ну и третью, для полноты жизни...

Выпивает еще...

Вот теперь, пожалуй, хорошо...

Забыв про Петрова, прячет водку и
кружку в карман.

А где этот ваш бунтовщик?

Петров. Ты про кого?

Газин. Да про новенького,
Достоевского!.. Где этот писака из
дворянчиков? Газин хочет
побалакать!..

Входит Достоевский. Он молод, безбород. Во всей его осанке есть что-то незнакомое и непривычное для нас, напряженно-гордое.

Достоевский. Кто-то меня спрашивает?

Газин. О, пожаловали!.. Небось, у поляков чай пили? (Тут же вспоминает о скрипаче, грозно поворачивается к нему.) Ты опять замолчал?.. Деньги взял — играй!..

Поляк начинает играть.

(Достоевскому.) Если чай с поляками пьете, я думаю, водки с татаринном не откажетесь выпить?

Достоевский. Я не пью.

Газин. Ах ты не пьешь?.. А против царя бунтуешь?.. Отвечай, а то сейчас — секир-башка!..

Петров. Газин, друг, ты бы отстал от человека... Человек умственный, писатель, ему пить нельзя, он буквы забудет...

Газин (вперившись взглядов в Петрова.) Петров, да ведь я тебе так и не налил!..

Лезет в карман, достает бутылку и кружку, наливает. Протягивает Петрову, но вновь передумывает.

Погоди, сначала сам...

Выпивает, наливает еще, снова выпивает...

Не пойму что-то, хватит, или мало?

Наливает в третий раз, но вдруг вспоминает о поляке.

Ты!.. Да станешь ты играть, гнида?

Поляк играет. Газин слушает, зажмурившись.

Газин. Душевная музыка... Молодец, Андрюша, растрогал старого дурака... Пей!

Протягивает Анджею водку, тот выпивает.

Газин прячет водку и кружку.

Ладно, скучно с вами... Пойду, погоняю барак... А вы смотрите мне, господа железные носы!..

Уходит, сопровождаемый играющим поляком.

Пауза.

Достоевский. Мерзавец...

Петров. Ну это вы зря... С виду он звероватый, а на деле — такой же несчастный, как все...

Достоевский. Такой же? А правду мне говорили, что он очень любил маленьких детей резать? Только сначала замучивал до смерти...

Петров. А кто же это знать может, Федор Михайлович? Только он сам, да Господь Бог...

Достоевский. А ты, Петров, в Бога веришь?

Петров. Ну, как сказать...

Немножко, может быть, и верю...
Родители все же русские люди
были...

Достоевский. И что, помогает тебе
Бог?

Петров. Да что вы хотите-то , в толк
не возьму?

Достоевский (не отвечая). Ну где-то
в монастыре я еще понимаю... Но в
остроге, на каторге Богом
прикрываются!.. Человек такого
понаделал, что земля его носить не
хочет, а тоже — «Бог»!..

Петров. Это вы напрасно...

Достоевский. Да я не про тебя!.. Я
про всё, про всех!.. Нет, гнусный
здесь народец...

Пауза

Петров. Ладно, пора и честь знать...
Прощевайте, Родион Романыч.

Раскольников. Будь здоров.

Петров уходит.

Вы все же напрасно так... Здесь
народ разный, хоть и непростой...

Достоевский. Вот-вот, непростой!..
Как вы-то уживаетесь со всем этим
сбродом?

Раскольников. Да куда же мне от
них деться? Ведь это каторга, а не
курорт... Да и чем мне перед ними

гордиться?.. Я ведь тоже здесь не за красивые глаза...

Достоевский. Знаете, никогда не думал, что у нас столько преступников.

Раскольников. В других странах, я читал, еще больше.

Достоевский. Ну это вряд ли. Я думаю, в Европе больше порядка. Неспроста же сам Белинский был западник... Впрочем, не в том дело, кто западник, кто славянофил...

Раскольников. А в чем же?

Достоевский. А в том, что если форма устарела, она должна быть сломана и заменена новой.

Раскольников. Форма, как я понимаю, все устройство государства?

Достоевский. Возможно.

Раскольников. Ну а если форма-то сменится, а человек останется тот же самый?

Достоевский. Не может так быть.

Раскольников. Да ведь бывало уже! Во Франции вон как начали резать друг друга, так миллион голов нарезали!..

Достоевский. Что Франция? Вздор. Главная их ошибка — настоящего плана не имели. А без плана, сами знаете: не то что дворец, кабак — и тот не построишь. Впрочем, за шестьдесят лет мыслящие люди во всем мире далеко вперед шагнули...

Раскольников (после паузы). Вы, стало быть, взглядов своих после ареста не изменили?

Достоевский. И не изменю. Если больному порошки не помогают — пробуют пиявки; если пиявки бесполезны — надо делать кровопускание...

Раскольников. А крови-то не боитесь?

Достоевский. Тот, кто хочет мир переделать, перед кровью останавливаться права не имеет.

Раскольников. Да вы прямо Наполеон...

Достоевский. Наполеон, конечно, был великий человек, но и он дела до конца не довел.

Раскольников. А знаете, у человека на самом деле сил мало — гораздо меньше, чем он предполагает.

Достоевский. Разные все люди,

Родион Романович, что всех-то равнять?

Раскольников. Может быть... Я, по крайней мере, кровь понести не смог. Тяжелая уж очень, к земле, знаете, тянет... А хотите, я вам как писателю одну фразу скажу?

Начало повести, или там романа, не знаю... Вам должно быть интересно.

Достоевский. Ну скажите.

Раскольников (после паузы). «В начале июня, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в Столярном переулке, на улицу и медленно, как в нерешимости, отправился к Кокушкину мосту»...

Достоевский. В общем, неплохо... Хотя инверсия эта — «на улицу»... А

почему нельзя так: «Вышел на улицу из своей каморки»? Ничего не меняется!

Раскольников. Может быть... Но мне казалось, «на улицу» — это он как будто о порог споткнулся, выходя...

Достоевский. Это вы про себя, что ли?

Раскольников. А вы поняли?

Достоевский. Да что же непонятного! Для каждого человека самое интересное — он сам. Тут никто из нас не оригинален.

Раскольников. Оригинальных людей вообще немного.

Достоевский. Ну их много-то, положим, и не надо. Так, знаете,

доля процента... А то если все оригинальными станут, то это уже и неоригинально... А попробую-ка я с инвалидом насчет завтрашнего чая договориться...

Раскольников. Так значит, не понравилась вам моя фраза?

Достоевский. Ничего. Пишите дальше.

Раскольников. Где мне! Я не сумею, Бог таланту не дал.

Достоевский. И вы про Бога, Родион Романович! Прямо не каторга, а богадельня какая-то!..

Уходит.

Раскольников идет и садится на темный диван. Диван освещается —

на другом его конце сидит Соня Мармеладова.

Раскольников. Пришла?

Соня. Я сегодня лучше себя чувствую. Мокроты меньше и жар спал. А вы как?

Раскольников. Разве ты со мной опять на «вы»?

Соня. Сразу трудно привыкнуть... Это вы... Это ты с кем разговаривал?

Раскольников. Достоевский, писатель.

Соня. За что он здесь?

Раскольников. В тайном обществе участвовал. Дело петрашевцев.

Соня. Разве революционер может

писателем быть?

Раскольников. Он когда-то «Бедные люди» написал. Жалостливая повесть, вроде «Шинели» Гоголя. Говорят, Белинский хвалил... Ну да что нам до них!.. Нашу жизнь им все равно не понять... Знаешь, Соня, устал я...

Соня. На работах?

Раскольников. Нет, на работах еще ничего... А как сюда придешь — одна и та же мысль: шесть лет вперед... Шесть лет!.. Как выдержать?

Соня. Всего-то шесть лет! А после — еще жизнь целая! Грешно нам жаловаться, Родя... Однако, мне пора, а то конвойный рассердится...

(Передает ему узелок.) Вот тут я печенье испекла, кушайте...

Кушай...

Раскольников. Когда придешь,
Соня?

Соня. Денька через три.

Раскольников. Приходите в рабочее
время на барки, ладно? Там надзора
нет.

Соня. Только бы не разболеться... Я
приду. Я приду и новость скажу...

Раскольников. Новость? Какую?

Соня. Про нас с тобой... Такая
новость... удивительная...

Раскольников. Так скажи сейчас!
Что мне ждать еще три дня?

Соня. Нет, сейчас не могу...

Раскольников. Да отчего?

Соня. Не могу, Родя... Прости... Ну потерпи немножко... (Порывисто целует его.) Прощай!

Уходит.

Раскольников. Женщины... Не можете без секретов!..

Он погружается в темноту.
Высвечивается угол с нарами. Там напротив друг друга сидят Рогожин и «калашница» Двугрошова.

Двугрошова. Вечно вы, господин Рогожин, мои секреты хотите выведать...

Рогожин (удивленно). Я? Твои секреты? Как так?

Двугрошова. Ну вот все спрашиваете меня про все. Это, я вам доложу, довольно странно будет...

Рогожин. Так и у тебя тоже секреты есть?

Двугрошова. Да у какой же женщины их нетути?..

Рогожин. Слушай, Чекундат...

Двугрошова. Да не Чекунда я! Чекунда у вас третьеводни была!..

Рогожин. А тебя как зовут?

Двугрошова. Двугрошовой кличут.

Рогожин (задумчиво). А что... Два гроша — тоже деньги...

Двугрошова. Известно! Копеечка к копейке — ан рубль и набегает.

Рогожин. Точно. Так рубли-то и собираются... Слушай, Чекунда...

Двугрошова. Да сказала же,
Двугрошова я!

Рогожин. Это все едино. Слушай, я спросить тебя хочу: если женщину убивают, потому что любят ее...
Любят и ревнуют... Как ты смотришь — может она убийце своему простить?

Двугрошова (подумав). Чтобы, значит, ее убили, а она бы это простила?

Рогожин. Ну да.

Двугрошова (серьезно и рассудительно). Уж не знаю, что и сказать... Конечно, умирать

завсегда не хочется, да и страшно...
Но ежели по любви... По любви —
простит.

Рогожин (горячо). Думаешь?
Думаешь, простит?

Двугрошова (убежденно). По
любви — простит.

Рогожин. Вот!.. Вот и у меня такая
же мысль в душе... Чую, будто
простила она меня... И такая
радость вдруг нахлынет... И чего,
вроде, радоваться: сам свою любовь
убил, своей рукой... Да ведь
простила — вот и радостно...
Слушай, Чекунда, вот я тебе деньги
даю, ставишь ты свечи за
умученную Настасью?

Двугрошова. А то!

Рогожин. Ты ставь, ставь... Хоть
она, конечно, и незаконно мной

замучена, но не безвинно, нет. Потому как красива была. А красота — это такое опасное средство... Красота — тоже вина. Потому что только сильным она в радость, а слабым — в погибель... Ты и сама за нее молись, слышишь?

Двугрошова. Парфен Семеныч, ну какая такая моя молитва!..

Рогожин. Ничего, с миру по нитке — голому рубаха. Ты иди теперь, Чекунда.

Двугрошова. Когда притить?

Рогожин. Не знаю. Надо будет — сам позову.

Двугрошова. Как прикажете... (Уходя.) А правду бают, Парфен Семеныч, что у вас на воле-то миллион был?

Рогожин. Это кто же баает?

Двугрошова. А люди.

Рогожин. Врут твои люди, так им и скажи. У меня два миллиона было.

Двугрошова. Два миллиона?..
Боже ж ты мой... Так два-то миллиона — это не два грошика!..
Неужто вы любую красавицу не могли себе за такие деньги купить?

Рогожин. Дура ты, Чекунда.

Двугрошова. За что же дура?

Рогожин. А за то. Любовь не продается.

Двугрошова. Ох, и полно... Уж мы слышали про столичных-то барышень!.. Им, конечно, цена не наша...

Рогожин. Говорю же, дура... Это услуги за деньги можно купить, а любовь не купишь. Потому что любовь — это то, что даром. А ежели не даром — значит, не любовь.

Входит Достоевский, сталкивается с Двугрошовой, изумленно и подробно рассматривает ее. Она, смутившись, уходит.

Достоевский. Это что же, ваша гм...
Ваша подруга?

Рогожин. Это «калашница». А еще называют «суфлера».

Достоевский. Почему же «калашница»?

Рогожин. Они маленькими девочками в каторгу калачи

таскают продавать. А как в возраст входят, так и серьезным ремеслом начинают заниматься.

Достоевский. Ну а «суфлера» почему?

Рогожин. А уд такое словечко каторжные придумали.

Достоевский. Любопытно... Такое стоит записать.

Вытаскивает блокнот и карандаш, пишет.

Рогожин. А у вас срок большой?

Достоевский. Четыре года, потом рядовым.

Рогожин. Не хватит блокнотика-то. Здесь словечек разных много. Только, я думаю, не в словечках дело...

Достоевский. А в чем же?

Рогожин. А в том, что за словечками спрятано. Если это не понять, то все словечки в блокнотиках будут — тьфу!

Достоевский. Однако... (Прячет блокнот в карман.) Впрочем, в вашей среде особых нежностей, кажется, не принято?

Рогожин. А какая это моя среда? Каторжные, что ли?

Достоевский. Я купечество имею в виду.

Рогожин. Купечество? А знаете, бывает и купец на человека похож, правду вам говорю.

Достоевский. Возможно. А у вас срок большой?

Рогожин. Куды! Всего-то навсегда — пятнадцать лет...

Достоевский. Пятнадцать лет? Ужасно. Я Бы, кажется, столько не выдержал.

Рогожин. Это точно, господин писатель. Для такого срока у вас сил не станет.

Достоевский. А у вас станет?

Рогожин. У меня станет, я ведь по земле хожу. Земля-мать силы дает.

Достоевский. А я, на ваш взгляд, по воздуху летаю?

Рогожин. Зачем по воздуху? Вы так как-то, вприпрыжечку... Вот и блокнотик этот... Три дня в каторге, а уж и блокнотик... А чего торопиться? У нас здесь времени не меряно... У всех. Думаете, если у

меня пятнадцать лет, а у вас четыре, так у вас срок короче?

Достоевский. А разве нет?

Рогожин. Нет, сударь. Здесь коротких сроков не бывает. Хоть год, хоть десять — все жизнь проходит. А жизнь-то своя, а не чужая. Сколько ее у каждого осталось? Бог весть...

Достоевский. Вы будто пугаете меня.

Рогожин. Полно, что мне пугать вас? Я совет вам хочу дать, если он вам нужен, конечно...

Достоевский. Отчего же, послушаю.

Рогожин. Хотите, чтобы вас здешний народ полюбил — вы его выслушайте, да еще сами порасспросите... Для человека

самое дорогое — чтобы слышали его... А впрочем, живите как хотите, чего это я об вас беспокоюсь, право... Вы же из этих, из передовых, а мы по старинке...

Достоевский. Да, вы, я слышал, из старообрядцев?

Рогожин. Ну не то чтобы совсем, однако ж, да, склонялся, и послушать их любил...

Достоевский. Скажите, тяжело в России старообрядцам?

Рогожин. Обижаете, господин хороший!.. В их руках, почитай, половина все торговли, да и денежки водятся серьезные, надо признаться...

Достоевский. Я не про деньги и не про торговлю, Рогожин, я про совесть человека! Ведь совесть-то

угнетена?

Рогожин. Не пойму, к чему вы клоните?

Достоевский. А к тому, что все мы в России — рабы, каждый по-своему, оттого и сидим здесь!

Рогожин. Мудрено что-то... Ежели я здесь сижу, то не за веру, а за то, что убил. И совесть моя угнетена мной самим, а не, извиняюсь, правительством Российским... Здесь безвинных нет.

Достоевский. Неправда! А поляки? В чем их вина? В том, что за свободу родины боролись?.. А наша вина, моя и моих товарищей? В том, что посмели думать по-другому, а не так, как предписано? Не мало ли для каторги?

Рогожин. Поляки боролись, вы сами

сказали. А кто борется, тот не жалуйся, что побороли тебя. Да и вас не за мысли посадили-то, а? Ведь вас, поди, посадили за организацию тайного общества? Ведь было общество, если по совести?

Достоевский. Положим, было.

Рогожин. А общество-то против правительства, да против царя, так?

Молчание.

И вы хотите, чтоб вам за то ничего не было? Стало быть, те, которых вы решили в мусорную яму, и защититься от вас не имеют права?

Достоевский. Защититься? А знаете, как они защищались? Из двадцати восьми обвиняемых —

пятнадцать человек к расстрелу!

Рогожин (помолчав). Вот оно как... Я про то не знал... Так значит, пятнадцать ваших товарищей зараз на тот свет ушло?

Достоевский. Ну положим, не ушло, все-таки... Побоялись они зараз пятнадцать человек убить...

Рогожин. А скольких расстреляли?

Достоевский. Вам, я вижу, очень хочется, чтобы расстреляли?

Рогожин. Да мне-то что... Но все же, чем дело закончилось?

Достоевский. Вывели на плац, построили тройками, зачитали приговор — расстрел... Первую тройку на эшафот поставили, велели прощаться друг с другом... А ваш покорный слуга во второй

тройке стоял... Уже на тех и ружья подняли, и прицелились — и только тут объявили замену расстрела каторгой...

Рогожин. И что же, вам расстрел всего-то четырьмя годами заменили?

Достоевский. Сначала было восемь, но потом скостили до четырех.

Рогожин. Да кто скостил-то?

Достоевский. Сказали, сам Николай Первый.

Рогожин. А-а... Вот теперь, стало быть, мне маленько понятно стало... Сначала, значит, попугал вас батюшка-царь, петелькой даже погрозил, а как до самого дела дошло — так он и восемь лет каторги ополовинил... Неужто вы и вправду судьбой недовольны?

Мучеником себя изобразить желаете? А если я вам сейчас настоящего мученика покажу? Хотите? Хотите или нет? (Кричит куда-то в глубину барака.) Митя!.. Митенька!.. Откликнись, это я, Рогожин!.. Да где ты там, друг мой?..

Из глубины выходит высокий худой человек лет сорока.

Человек. Чего тебе, Парфен Семеныч?

Рогожин. Вот, рекомендую: Дмитрий Федорович Карамазов, в бессрочную каторгу осужден, десять лет уже отбыл, а спросите его — виновен он в том, за что мучается?.. Спросите, спросите!..

Дмитрий. Полно, Парфен, зачем тебе это?

Рогожин. Молчи, Митя, я знаю, зачем!.. Вот пришел некто Достоевский, осужден на четыре года за участие в тайном обществе и за то, что революции хотел, — пришел, и бледным ангелом ходит, мнит, что страдание принял, чуть ли не крест!.. (Достоевскому) А вот человек, который десять лет жизни уже в жертву принес — и всю жизнь, всю, сколько осталось, тоже принести должен!.. И все безвинно, понимаете вы, господин сочинитель с блокнотом?.. А вот теперь вытаскивайте блокнотик, теперь пишите, какие в России судьбы бывают!..

Дмитрий. Не надо, Парфен, ну что ты шумишь... Каждому своей боли хватает...

Рогожин. А я про что!.. Как отец мой покойничек говаривал: «Чужую

беду рукой разведу — к своей ума не приложу»!..

Достоевский. Вы, Дмитрий Федорович, за что в каторге?

Дмитрий. За отцеубийство.

Достоевский. За отцеубийством?.. И безвинно?

Дмитрий. В смерти отца своего неповинен. Но других вин много, за них и терплю.

Достоевский. Каких же других, если не секрет?

Дмитрий. Сластолюбец, кутила, грубиян, невозможный для людей человек...

Рогожин. Полно, Митенька, что ты наговариваешь на себя?.. Чарки вина у тебя за все годы не было, к

«калашницам» за версту не подошел, никому грубого слова не сказал...

Дмитрий. Все это во мне было, Парфен, и осталось. Если б я от грязи своей очистился, уже бы, может, и на волю отпустили. А коли держат здесь — значит, таков и есть, как был...

Рогожин. Слышите, господин Достоевский? С идеей мученик-то!..

Достоевский. Но если вы не убивали отца — зачем терпите? И столько лет, Боже мой... Надо было прошения подавать, требовать пересмотра!..

Дмитрий. Пустое.

Достоевский. Да отчего пустое?

Дмитрий. Заслужил, вот и терплю.

Не убивал — так, может, желал его смерти. Это одно и то же.

Достоевский. Опомнитесь, Дмитрий Федорович! Да за намерения ни один суд в мире не карает!

Дмитрий. В мире, может, и нет такого суда. Но над миром — есть...

Молчание

А ваше как имя-отчество?

Достоевский. Федор Михайлович.

Дмитрий. Человек умственной профессии?

Достоевский. Литератор.

Дмитрий. Вон как... Какие же ваши книги?

Достоевский. «Бедные люди»,
«Двойник», повесть «Хозяйка»...

Дмитрий. Извиняюсь, не читал.

Достоевский. Разумеется. Они все в последние три года написаны, а вы в каторге уже десять лет... Десять лет!.. А что, господин Рогожин, когда безвинный человек на всю жизнь свободы лишен — такие порядки вас не фраппируют, нет?

Рогожин. Судебная ошибка в любом государстве случиться может.

Достоевский. Судебная ошибка?
Легко вы все объяснить хотите!..

Рогожин. А ваша-то мысль в чем? В том, что Россия хуже всех? Так мы это слышали!..

Достоевский. Хуже, лучше — не в этом дело! Отстали мы от других,

вот что!.. Ну где еще в Европе рабство есть, скажите?..

Рогожин. А, крепостное право... А вы знаете, кто ему виновник? Знакомый мой, Тетерников!

Достоевский. Это как же?

Рогожин. А вот как... Очень он всегда любил за освобождение крестьян в обществе высказываться. Либерал был... В собраниях до пота с ретроgrадами спорил, ажно слеза прошибала, слушаюши... А тут возьми да и свались ему наследство от усопшей тетеньки, две тысячи душ... С год мы не виделись, и вдруг встречаемся. Спрашиваю: «Ну как? Дал своим вольную-то?» «Знаешь, — отвечает, — все как-то недосуг было... Да и как задумаешься, удобная ведь штука получается:

привезет староста оброк — со всеми долгами расквитаться можно... Я, — говорит, пожалуй, еще потерплю...» Так и стал дальше терпеть, страстотерпец... Притча-то понятна, господин Достоевский?

Достоевский. Даже слишком.

Рогожин (разводя руками). Чем богаты... Мне еще двенадцать лет как-то убивать надо, а потому пойду-ка я вздремну. А ты, Митя, особо-то не рассусоливай... Вишь, мы для господина Достоевского уж очень просты...

Уходит в темноту.

Достоевский. Дмитрий Федорович, один только вопрос: так кто же отца вашего убил?

Дмитрий. Слуга убил.

Достоевский. Вы это знали наверняка?

Рогожин, Об этом все знали.

Достоевский. Неужели нельзя было доказать?

Дмитрий. Повесился он, и все доказательства с ним ушли. Да что вспоминать, душу только травить... Другое смешно было: мои родные собирались для меня с этапа побег устроить и в Америку меня переправить... Представьте: меня и в Америку!..

Достоевский. А почему бы нет? Другие ведь приживаются, чем вы хуже их?

Дмитрий. Да не хуже и не лучше, но какой из меня американец!.. Это

все равно что рыбу заставить на дереве жить!..

Достоевский. Человек не рыба, ко всему привыкает. Заделались бы вы каким-нибудь фермером в прериях, разводили бы бизонов, пиво бы попивали в салуне... Со временем забыли бы о России, а уж дети ваши точно б о ней не вспомнили...

Дмитрий. А что... А ведь так бы и стать могло...

Достоевский. Так бы и стало, голову даю на отсечение!..

Дмитрий. Вот потому я туда и не побежал, что помер бы в прериях ихних с точки!..

Достоевский. Так уж и померли бы?..

Дмитрий. Помер бы... Я, знаете, кое

до чего додумался за эти десять годочков... Русский человек странный: он, конечно, боли не любит, как все, терпеть ее не хочет... Но ежели у него боль его отнять — ему еще хуже сделается!.. Американец тот же жил бы да радовался: вот счастье привалило, никакой боли в помине нет! А русский бы думал: хорошо я живу, нет ни бедности, ни болезней, — ох, что-то здесь нечисто!.. Нет, сударь, Америка не для меня... Мне, может, хоть что-то в этой жизни простится, что я никуда от десницы Божьей не побежал... Что понес я эту тяжелую руку... У Бога ведь тяжелая рука, знаете?

Достоевский. Видите ли, верующим себя назвать не могу.

Дмитрий. В Бога не веруете?
Странно.

Достоевский. Что же странного?
Нынче встретите более пытливых
умов, нежели верующих.

Дмитрий. Пытливых, да, пытливых
нынче много... Скучные люди...
Впрочем, это вашего сердца дело...
Только одно учтите: без веры здесь
не выжить. Нет, выжить-то можно,
и даже отлично можно свой срок
протянуть — но только уж полной
скотиной надо стать, чтоб спокойно
было... Но ведь вы, пожалуй, этого
не захотите?

Достоевский (после паузы). Вот
странно: не успел я сюда попасть, а
уж все что-то от меня хотят!.. Один
мне начало романа читает, другой
требует, чтобы я всех выслушал,
третий хочет, чтобы я верующим
стал... Да отчего такая
пристрастность ко мне, господа?

Дмитрий. Да ведь вы писатель...

Достоевский. Ну и что?

Дмитрий. Мне кажется, господин Достоевский, к писателю особый счет: ведь мы все просто живем, а писатель эту самую жизнь выразить может... А если про жизнь не написать — так ее, вроде, и вовсе не было...

Достоевский. Вот теперь начинаю понимать... Спасибо, господин Карамазов, что просветили... Стало быть, люди ждут, что с моей помощью в истории останутся?

Дмитрий. Ну, в истории — это уж слишком высоко... Не в истории, а хоть в повести, что ли... Ведь каторга — это яма, сюда свет солнечный не достигает... А может, здесь у нас настоящий ал...

Достоевский. Вы верите в ад?

Дмитрий. Эх, Федор Михайлович, верю, не верю — какая разница? Как помрем — все туда пойдём. Кроме избранных, конечно...

Достоевский. А где они, избранные? Кто они?

Освещается барак во всей его глубине. На Достоевского выжидательно глядят Раскольников и Рогожин, Петров и Газин, поляк Анджей и какие-то незнакомые нам арестанты. Отдельно в кучку сбились женщины — Соня Мармеладова, Двугрошова, Груша.

Груша. Господин сочинитель, я вас на коленях буду просить: напишите

про Дмитрия Федоровича,
напишите!..

Достоевский. Что я должен писать?
Повесть, Роман? Поэму, наконец?

Груша. Грех вам надо мной
надсмехаться!.. пусть я глупая,
необразованная баба — да ведь я не
за себя, я за другого прошу!.. Или
вы не поняли, каков он сам? Ведь
сам он за себя ни за что не постоит!
Сам он взял свой крест — и тащит,
а ежели у тех, кто рядом, уже силы
кончаются?.. Напишите прошение
от его имени!..

Двугрошова. Уж это даже и не
знаю как... Уж это так за своего-то
просить — как будто он лучше всех,
что ли? Да поди найдутся люди и
подостойнее — я-то в каторге
каждого знаю!..

Петров. Господин Достоевский, а

правда ли, что у католиков считается не двенадцать апостолов как у нас, а тринадцать? И тринадцатым они причли Иуду-предателя?

Достоевский. Что такое, Петров? О чем это ты?

Рогожин. Туманный человек Петров... Хочет разговор завязать, да не знает, о чем...

Анджей. Это все есть неправда!.. Но зачем нападать на господина писателя? Может быть, вы сейчас нуждаетесь в средствах? Имейте в виду, господин Достоевский, мой процент есть самый маленький, даже у господина Газина больше!..

Газин. Что? Поклеп? Ах ты, негодник!..

Соня. Господа, остановитесь!..

Господин Достоевский такой же каторжный, как все!.. Но вы уже привыкли, а ему все внове... Надо поддержать человека, помочь ему... Хотите печенья, господин Достоевский? Я сама испекла, берите!..

Протягивает ему кулек.
Достоевский даже отступает назад.

Достоевский. Господа, погодите... Господа, вы принимаете меня за кого-то другого!.. Но я ничего не могу вам помочь!.. От меня ничто не зависит!.. И писать о каторге я не собираюсь, поверьте!.. В конце концов, я здесь только на четыре года — и все это мне неинтересно!.. Неинтересно!..

Анджей. О, это правда, правда... Это есть очень неинтересный

предмет для поэмы... Если бы господин Достоевский писал про нашу Польшу... Ведь вы поляк, господин Достоевский? Или вы литовец?

Достоевский. Я русский, господа, но при чем здесь это?..

Газин. Против царя бунтовал, а сам в русские лезет! Русский против царя не бунтует! Это даже я, татарин, знаю!..

Рогожин. У бунтовщиков никакой нации нет... Бунтовщик — вроде перекасти-поле...

Петров. Взять того же Иуду, католического апостола» он ведь тоже бунтовщик, если рассудить?..

Газин. Я бы всех бунтовщиков вешал, как того Иуду!..

Достоевский. Да это просто сумасшедший дом!.. Господин Раскольников, вы, кажется, здравомыслящий человек — скажите же вы им!..

Раскольников. Что сказать?

Достоевский. Скажите, что я здесь ни при чем!.. Что я, в конце концов, не ответчик за их судьбу!.. Чего они все хотят от меня, чего?..

Раскольников. Они хотят, чтобы пожалели их... Плохо им, господин Достоевский... А впрочем, не обращайтесь внимания.

Пауза

Достоевский. Конечно, человек

должен помогать другому...
Наверное, и я что-то могу...
(Груше.) Вы просите, чтобы я о
Дмитрии Федоровиче прошение
написал? Извольте, я сделаю...

Груша. Ежели вам не в труд...

Достоевский. Совсем не в труд, и я
охотно вам помогу...

Дмитрий. Благодарю вас. Не нужно.

Груша. Митя, послушайся!..

Достоевский. Да почему не нужно?
А вдруг поможет прошение?

Дмитрий. Не нужно. Нельзя.
Сколько отпущено — надо терпеть.

Достоевский. Ну тогда я не
понимаю...

Двугрошова. Ежели они не хотят,

то вы лучше вон за Парфен Семеныча напишите, за Рогожина... Уважаемый человек, два миллиона на воле имел!..

Рогожин. Слышь, Чекунда, заткнись!.. Чтобы про меня писаки повестят сочиняли — я этого не желаю!..

Газин. И правильно!.. Вы, господа, и сами писать можете... А вот за меня бы прошеньице написать, господин Достоевский! Я очень не против буду!.. Мне на волю шибко хочется, а грамоте мамка не обучила!..

Достоевский. Что же я про тебя напишу? Что людей резать отказываешься?

Газин. А что? И откажусь!.. Почему с годик не потерпеть?.. Все равно потом за все наверстаю!..

Достоевский. Родион Романович! Да вы уверены ли, что им моя жалось нужна?

Раскольников опускает голову, не отвечая.

(Всем.) Не смею вас больше задерживать, господа... Не смею задерживать!..

Каторжные и их подруги исчезают в тесноте. Только Раскольников сидит в прежней позе, опустив голову.

Достоевскому кажется, что он прогнал всех, и тут взгляд его натывается на Раскольникова. Несколько секунд он ищет, что сказать, но Раскольников

перебивает его.

Раскольников. А почему вы все время делаете вид, что мы незнакомы?

Достоевский. Мы? А разве мы были знакомы?

Раскольников. Полно притворяться! Будто вы меня забыли!

Достоевский. Признаться, не могу припомнить...

Раскольников. Не можете? Ну так я напому. Помните, когда я к старухе шел, чтобы убить, вы возле ворот стояли? Еще раскланялись со мной, спросили о здоровье!..

Достоевский изумленно молчит.

Потом, когда я вещицы старухины под камень прятал, вы во двор заглянули и долго так наблюдали за мной...

Достоевский. Я...

Раскольников. Потом на вечеринке вы были у Порфирия Петровича, у следователя, сидели у окна и с Разумихиным в шашки играли... Что, вправду забыли?

Молчание.

А уж потом, когда я сознаваться шел, а сам захотел вернуться, вы меня под руку взяли и все шептали, что это надо сделать, и что мне за это многое спишется!..

Достоевский. Да точно ли это я был, Родион Романович?

Раскольников. Кто же еще, кроме вас? Конечно, вы тогда гораздо постарше были с бородой, а не как вот сейчас, но спутать я вас не мог...

Пауза

Достоевский. Странное дело... Однако, сейчас и я что-то припоминаю... Жара тогда стояла в Петербурге...

Раскольников. И духота! Я даже на этом специально настаиваю. тут, может, и дело-то все в этой духоте невыносимой... Такая духота на что угодно может толкнуть человека...

Достоевский. Но вы были в таком длинном черном пальто — я даже подивился: как человеку не жарко?

Раскольников. У меня лихорадка тогда была, озноб колотил, и вообще я был как помешанный... Впрочем, не подумайте, что оправдываюсь!.. Оправдываться я ни перед кем не собираюсь, не ждите!.. И еще: здесь многие считают, что Софью Семеновну я своим характером замучил, тогда как она для всех ровно невинная голубица... Так я вам сразу говорю, что это вздор!.. Поверх судят только грубые и глупые люди!.. А умный человек знает: судит — не суди — по справедливости все равно никого рассудить не сможешь... Да и кто они сами, что нас судят?.. Да, я человек гордый и виноватый, но кто из вас-то смиренный и безвинный, кто?..

Достоевский. А как та фраза звучит, что вы мне говорили?

Раскольников. Какая фраза?

Достоевский. Начало повести-то?

Раскольников. А, фраза, извольте...
«В начале июня, в чрезвычайно жаркое время...»

Достоевский (взмахом руки нетерпеливо прерывает его). «В начале июня, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в Столярном переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к Кокушкину мосту.

Он благополучно избегнул встречи со своей хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлю высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру...»

Из темноты выходит Соня.

Соня. Господин Достоевский, я вас прошу: не надо об этом...

Достоевский. О чем не надо?

Соня. Это все прошлое, поверьте! А сейчас все переменялось... И Родя уже не тот, и я... А сегодня я как раз хотела ему сказать... Родя, знаешь ли ты удивительную новость: ведь у нас будет ребеночек, Род!..

Раскольников. Да что ты?.. Да как?..

Соня. Да-да, я уже наверняка это знаю... Господин Достоевский, но об этом нельзя написать, потому что со стороны ведь все равно ничего не увидишь!..

Достоевский. Вы знаете у кого живете?

Соня. У мещанки Свешниковой квартирую, а что?

Достоевский. Дорого она с вас берет?

Соня. Нет, не очень — два рубля в месяц. Впрочем, и условия, конечно, скромные...

Достоевский. Как же вы с ребенком будете? Ведь и помыть его надо, и пеленки постирать... Да и расходы, расходы...

Соня. Да ведь я же умею шить! А здесь совершенно нет модистки, не представляете? Городок хоть и небольшой, но какой же даме не хочется модно одеваться!.. Нет, я за свое будущее спокойна, только бы Родя... Родя, ты должен выдержать

эти шесть лет, ведь мы теперь не одни!..

Из темноты выбегает Двугрошова.

Двугрошова. Слушаю я вас — ну до чего же все люди неотступные!.. И каждая про своего, и каждая про своего!.. А почему вы, господин писатель, за Парфена Семеныча послушать не желаете? Ведь он из всех из этих был самый богатый человек, а богатство абы кому тоже не дается!.. А что убил он ее — так от любви убил!..

Рогожин (вступая в свет). Молчи, дурища!.. Твоего мне только заступничества не хватало! Не желаю никаких романов, да и не о чем нам разговаривать с господином сочинителем! Его дело залетное, а наше — лямку

каторжную до конца тянуть!..

Достоевский. Неужто и поговорить со мной не захотите?

Рогожин (еще хорохорясь). Да на какой же это предмет?

Достоевский. Парфен, где сейчас князь?

Рогожин. Какой еще князь?

Достоевский. Лев Николаевич Мышкин, или ты забыл уже?

Рогожин. А, Мышкин... А хочешь знать: не было никакого Мышкина, выдумал ты его!.. Все хотел идеального человека описать — а идеальных-то людей не бывает, сударь!..

Достоевский. Значит, князя не было, а ты есть?

Рогожин. Точно! Я есть и буду,
потому что я купец, двумя ногами
на земле стою!..

Достоевский. Так может, и
Настасьи Филипповны не было?

Рогожин (отворачиваясь). Настя
была...

Достоевский. Но ведь ты убил ее,
Парфен, убил?..

Рогожин. Молчи...

Достоевский. А с кем ты последнюю
ночь у ее тела провел? Неужели
забыл?

Рогожин. Я этого никогда не
забуду...

Достоевский. Так с кем же?

Рогожин. С тобой.

Пауза

Достоевский. Со мной? Да ты не путаешь ли?

Рогожин. Я-то путаю? Да ведь ты и заставил меня ее убить!

Достоевский. Я?..

Рогожин. Ты!.. Когда б не ты — я бы все от нее претерпел!.. И терпел бы всю жизнь, и ничего!.. И она бы тоже потихоньку притерпелась... Подумаешь, дом у меня страшный, некрасивый. Привыкла бы и к дому, и к жизни нашей купецкой, и денежки бы считать привыкла, уж в огонь-то их бросать я бы ей больше не позволил... Притерпелись бы мы друг к другу, говорю тебе!.. Но

такой исход тебя, видно, не устроил... Ты заставил меня ее убить, насильно заставил.

Достоевский. Опомнись, Рогожин! Свою вину теперь на меня перекладываешь?

Рогожин. Еще неизвестно, чья это вина! Знамо: чужими руками убивать легко, куда легче, чем своими... Да без тебя-то я, может, совсем бы другим стал, добрым, да ласковым!..

Достоевский. да ведь ты Рогожин! Ты только Рогожиным и можешь быть, Парфен Семеныч, а иначе — зачем ты нужен?.. Иначе другой на твое место станет, какой-нибудь Свидригайлов, а тебя — вон!..

Рогожин. Так ты, стало быть, и жизни меня можешь лишить? Ну что ж... Коли так, попробуй...

Достоевский. Не нужно, Парфен.
Не искушай судьбу.

Рогожин. Нет уж, коли так — так так!.. Коли ты считаешь, что полный надо мной господин — так я того не желаю!.. Рабом твоим быть не хочу!.. Давай, лишай меня жизни! Пусть не будет на свете Парфена Рогожина!..

Двугрошовая. Парфен Семеныч, не зверствуйте так над собой!

Раскольников. Не надо, Парфен!..

Рогожин. Нет, надо!.. Показывая свою силу, писака, а иначе — я тебя прибью!..

Достоевский. Ну коли так, получай... Нет на свете никакого Парфена Рогожина. Парфен Рогожин — моя фантазия, и я его — уничтожаю!

Двугрошова. Не надо!..

Пауза

Рогожин. Ну? А дальше-то что?

Двугрошова. Ой, не могу!.. Ой, уморили господу!.. И все-то у них шуточки!..

Достоевский. Но тебя действительно нет!.. Это я тебя выдумал, Парфен Рогожин!.. Я написал тебя таким, какой ты есть!..

Рогожин. Так есть я или нет, вопрос?

Достоевский. Нет!

Рогожин. Выходит, есть... Выходит, я сам по себе, а ты — сам по себе... И плюнул бы я на тебя, господин сочинитель, если бы... если бы не ночь, которую мы с тобой возле Настиного тела любимого рядышком просидели... Дорогого такая ночь стоит, за нее я тебя уважаю... Но и ты меня лучше не задевай попусту, не люблю я этого...

Он уходит в темноту, за ним исчезает Двугрошова.

Достоевский. не понимаю... Не понимаю!.. Родион Романович, но ведь он же — моя фантазия, и это факт!.. И, простите великодушно, вы тоже, в некотором роде!.. И все, которые здесь!..

Раскольников. да точно ли мы

фантазия ваша? Может, Рогожин прав: вы сами по себе, мы — сами по себе?

Достоевский. Если я вас придумал — как можете вы быть сами по себе?

Раскольников. Не придумали вы нас... Вы нас из жизни взяли. А жизнь — такую штука, над которой никто не властен.

Соня. Бог властен над жизнью, Родя.

Раскольников (поморщившись). Ну, Соня, у нас здесь не приходское собрание...

Соня. Только ты не сердись... И вы, господин Достоевский, не сердитесь... Но вот я слушаю вас... Когда-то в гимназии мы уравнения изучали... И вы сейчас словно

уравнение решаете: кто первый и кто сколько стоит. Только вам уравнение это не решить. Потому что вы самого главного в расчет не берете. Того, Кто это уравнение написал. Потому и спор ваш неразрешим.

Раскольников. Любопытно...

Соня. Никто здесь убить никого не может, ни мы вас, ни вы нас... И не для смерти нас здесь собрали, а для рождения нового... Как мы здесь ждали вас, Федор Михайлович!.. Ведь без вас-то мы — никто...

Из темноты снова возникают все обитатели каторги.

— Мы это понимаем, господин Достоевский!..

— Уж вы нас не оставьте!..

— Ради Христа обратите внимание!..

Соня. Да погодите же, господа, дайте мне досказать!..

— Говори, говори, ангел ты наш!

— Послушайте Софью Семеновну!..

Соня. Да, мы без вас никто... Но уд простите, ведь и вы без нас никто!.. Потому что если вы мимо этих людей пройдете, а страдания их не увидите — то это значит, никакой вы не писатель, а просто... а просто...

Достоевский. Так кто же?
Договаривайте!

Соня. А просто заговорщик политический.

Достоевский. Ах вот оно что!.. А вы этих заговорщиков когда-нибудь видели? Вы хоть знаете, чего они хотят?

Соня. Думаю, правительство свергнуть и самим править.

Достоевский. Глупости, Софья Семеновна! Ради такой чепухи кто бы стал тайные общества организовывать, да своей головой рисковать?..

Раскольников. Это власть-то чепуха?..

Достоевский. Чепуха!.. Вот сейчас со страдания заговорили — правильно, много страдания кругом, море страдания!.. А отчего оно происходит? Да оттого, что общество несправедливо устроено!.. Так разве плохо, если люди хотят порядок жизни по справедливости

переделать? Добьемся этого — и страдания в мире меньше станет, а может — вовсе не будет нигде никакого страдания!.. Плохо ли это, скажите?..

Раскольников. Плохо или хорошо — а все это утопия и фантазия!.. Не может такого быть, чтоб нигде и никогда!..

Голос из темноты. А мне кажется, это очень плохо.

Достоевский. С кем имею честь?

Освещается молодой человек, почти юноша.

Юноша. Меня зовут Алексей Карамазов. Мне кажется, то, что вы хотите с человеком сделать, это очень плохо... Это... Это просто преступление.

Соня. Алексей Федорович, приехали? Как вас Митя-то ждет!..

Достоевский. Лишить человека страдания — это преступление?.. Вот так логика!..

Алексей. Но давайте разберем, что такое страдание! Я думаю, это — способность чувствовать боль. Согласны вы?

Достоевский. Положим.

Алексей. Но боль может чувствовать только живое. Чем выше существо — тем выше боль, которая ему доступна. Зверь только физическую боль чувствует, а

человек — еще и нравственную, и духовную... А вот камень вовсе никакой боли ощущать не может... Оно, конечно, человеку жить тяжелее, чем камню или зверю, но ведь за первородство чем-то же надо платить?..

Достоевский. Но почему же обязательно страданием?

Алексей. Да чем же еще? Что у нас еще есть, кроме нашей боли? Ведь все сокровища, власть и сила — это все не наше, это все дается на время, а боль одна только и остается с нами навсегда!.. Да вы-то сами, когда в тайное общество записывались, тоже, наверное, на страдание шли?

Молчание.

Значит, сами от страдания не отказывались, а других людей теперь лишить его хотите... нечестно, сударь...

Достоевский. Но это уже софистика! А если я помочь хочу человеку? Если я от жалости это делаю?..

Алексей. А знаете, есть способ помочь... Коли вы человеку объясните смысл его страдания, сделайте так, чтобы он это страдание осознал, принял и понес... Если вы это сделать сможете, то вы великий человек будете... Не знаю, как в других странах, но в России — наверняка.

Дмитрий. Алеша!.. Братик!.. Родной!.. Приехал!..

Выбежав из темноты, бросается к Алексею, они обнимаются.

Как добрался, Алешенька?.. Знаешь, когда ты мне написал, что приедешь, все равно я тебе не поверил!.. Долго ли ехал?

Алексей. нет, всего месяц.

Дмитрий. Только-то? Повезло!.. Да расскажи скорей, как вы все живы!..

Алексей. Я расскажу, я все расскажу... Только хочу предупредить, я когда сюда ехал, этап обогнал... В ваш острог партию политических ведут...

Достоевский. Политических?..

Вновь освещается барак с его обитателями.

Петров. Неужели же целую партию?

Алеша. И я вам скажу, это очень странные люди, очень!.. Митя, прошу тебя держаться от них подальше!.. настоятельно прошу!..

Дмитрий. Да что такое, Алеша?

Алексей. Говорю тебе, это слишком странные люди...

Достоевский. Я думаю, вы сильно преувеличиваете их странность!..

Алексей. Дай-то Бог... А впрочем, скоро все сами увидите...

Раздается шум. Каторжные расступаются. На свет выходят четверо мужчин и одна женщина.

Один из них. Господа! По дороге в
острог нас догнала печальная
новость: наш идейный вождь,
гражданин швейцарского кантона
Ури Николай Всеволодович
Ставрогин не захотел мириться с
тяжестью мировой
несправедливости и добровольно
ушел из жизни. Самодержавное
правительство дорого заплатит за
эту безвременную смерть!

Его спутники: Дорого заплатит!

Стократно!..

Он. А пока я предлагаю всем
почтить память нашего великого
товарища минутой молчания.

Общая пауза

Конец первой части

Часть вторая

На сцене все — в том же положении, как в конце первой части. Только Достоевский постарел лет на тридцать и теперь приобрел привычный для нас, «классический» свой облик.

Вновь пришедший. А пока я

предлагаю всем почтить память
нашего великого товарища минутой
молчания.

Изумленная пауза

Рогожин. Что-то я не пойму, какого
еще товарища?

Газин. Эй, ребята, вы откуда
взялись и кто такие?

Новенький. Кто мы такие? (Нимало
не робея, подходит к огромному
Газину, меряет его взглядом.)
Поручик Эркель. Революционер. А
ты кто, милейший?

Газин. Я кто?.. Я — Газин, понял?..
Вся каторга Газина знает!.. Да я...
Я человек одной рукой хребет

ломаю!..

Эркель. Что ж, нам и такие люди нужны. Не пробовал, Газин, работать на революцию?

Газин. На кого?..

Липутин. Что с ним разговаривать, Эркель!.. Видно же, что неотесанная дубина!..

Газин. Чего?.. Да я тебе за дубину...

Эркель. Тихо!.. (Всемирно.)
Политические есть?

Пауза

Петров. Эй, господин Достоевский, что ж вы молчите? (Эркелю.) Вон

политический, знакомьтесь!

Эркель. С кем имею честь?

Достоевский. Достоевский,
писатель.

Эркель. По какому делу?

Достоевский. По делу петрашевцев.

Эркель. Петрашевцев? Нет, не
слышал.

Достоевский. Не слышали о
петрашевцах?..

Липутин. А чему удивляться? Вот
мы все по делу верховенцев.
Слышали о верховенцах?

Достоевский. Не довелось.

Липутин. Видите! Революционеры
друг друга знать не обязаны.

Наоборот! Чем меньше мы все связаны, тем вернее успех общего дела! Правильно?

Эркель. Правильно, Липутин. Так говорил Верховенский.

Виргинская. Заболтались, мужики! Устраиваться надо, не век же стоять посреди барака! Эй, дамы! Я так озябла, пока сюда дошла, просто до костей мозга... Подайте на бедность какой-нибудь одежонки!..

Пауза

Ну что вы столбами-то застыли?
(Подходит к женщинам, Груше.)
Тебя как зовут, красавица?

Груша. Глафира Александровна.

Виргинская. Груня, значит... Груня, жертвой платочек!.. Вон у тебя какой платочек знатный...

Не дожидаясь ответа, тянет с плеч Груши платок.

Груша (опомнившись). Да кто ты такая?..

Виргинская. Я? Революционерка!.. Я за народную волю, так ты мне лучше не перечь... Отдай платок!..

Тянет шаль. Груша тянет шаль к себе.

Двугрошова (подскочив, Виргинской). Ты что, пакостница?.. Хоть я Глафире Александровне не подруга, но наглости твоей не потерплю!..

Эркель. Арина, остынь! Не с этого надо начинать.

Виргинская (Груше). Твое счастье, что у нас дисциплина. Ну да поговорим еще, девушка...

Двугрошова. Нет, это вы только поглядите... Да что за люди такие фрунтоватые объявились?..

Рогожин. Погоди, Чекунда... (Подходит к Эркелю.) Послушайте, юноша... Может, вы не понимаете, куда попали? Так учтите: здесь у нас не пансион для девиц... Здесь люди всякие, у кого ножик за

пазухой, у кого и шильце в сапоге...

Эркель. Это что, угроза?

Рогожин. Не то, чтобы угроза, а так, знаете... В чужой монастырь не надо бы со своим уставом...

Липутин. Это здесь-то монастырь?.. Ну уморил, право!..

Эркель. погоди, Липутин.
(Рогожину.) А вас как зовут?

Рогожин. Парфен Семенович.

Эркель. А фамилия?

Рогожин. Рогожин, а что?

Эркель. Рогожин Парфен Семенович... Лямшин, запиши.

Рогожин. То есть, это что такое — «запиши»?

Эркель. Это ничего, Парфен Семенович, ровным счетом ничего! Вы не воонуйтесь, это пока наши внутренние дела... Господин Достоевский, можно вас на минутку?

Они отходят в сторону.

Скажите, а здесь уже есть организация?

Достоевский. Послушайте, поручик, вам не кажется, что вы слишком резко за дело беретесь?

Эркель. То есть как это «слишком»? По-вашему, революция будет ждать?

Достоевский. По-моему, никому нельзя насильно внушить свои убеждения.

Эркель (небрежно). А, философия... Скажите, а у вас, у петрашевцев, акции были?

Достоевский. Нет, мы никого не убивали.

Эркель. Понятно, теоретики... Но вы хоть понимаете, что время изменилось? Обстановка накаляется. Бродят призраки. Люди должны со дня на день стать свободными. Сигнал может придти в любую минуту.

Достоевский. Какой сигнал?

Эркель. Из центра.

Достоевский. И далеко ли ваш центр?

Эркель. Кто же знает... Может, в Лондоне, может, в Нью-Йорке... Во всяком случае, не в Питере... А

когда сигнал придет, поздно будет организацию создавать. Сейчас надо делать это, Федор Михайлович!

Достоевский. А вы откуда знаете мое имя?

Эркель. Обижаете!.. Мы не только это знаем... Мы же, все-таки, работаем... Так подумайте хорошенько...

Достоевский. О чем, Эркель?

Эркель. Подумайте, что вы можете сделать для революции. (Отходит от Достоевского, своим). Вы располагайтесь где удобно, не стесняйтесь. Тот, кто борется за счастье других, имеет право на благодарность с их стороны.

Революционеры бесцеремонно выбирают лучшие места в бараке, выбрасывают чьи-то вещи, располагаются. Все ошеломленно молчат.

Газин. Нет, уж вы как хотите, а я этих сучат не потерплю... Не потерплю!..

Он бросается на новеньких. далее следует очень быстрая сцена: кто-то из них подкатывается ему под ноги, остальные наваливаются с разных сторон, сбивая с ног. Несколько секунд — и вот уже огромный Газин лежит на полу, связанный по рукам и ногам.

Арина. Дайте мне его!.. Дайте хоть немного народной кровушки

испытать!.. Вон у него сколько крови-
то в таком большом теле!..

Ей не отвечают. Она медленно
приближается к лежащему Газину,
вся дрожа от возбуждения. Тот
следит за ней округлившимися от
ужаса глазами. Вдруг не
выдерживает и кричит: А-а-а!..
Помогите, братцы!..

Эркель. Арина, не надо сейчас...

Она отходит от Газина, стуча
зубами.

(Каторжникам.) Может кто-то еще
не согласен с нами?

Молчание

Ну вот и славно. Я думаю, в конце концов мы со всеми подружимся. Я именно подчеркиваю это слово: подружимся. Нам важно, чтобы народ нас любил. А особенно такой народ, как вы.

Он идет к месту, которое выбрал, но видит, что Лямшин уже лег.

Лямшин, ты уже лег?

Лямшин. Очень я устал сегодня...

Эркель. Лямшин. Ты уже лег? Так может, мне самому чистить себе сапоги?

Лямшин. Но я с утра могу почистить...

Эркель. Лямшин, ты споришь?.. Я не ослышался?.. И ты лежишь,

когда я стою перед тобой?

Лямшин встает. Эркель садится и протягивает ему ногу. Лямшин стягивает с него сапоги и идет чистить.

Дмитрий. Однако...

Эркель (сразу вскинувшись). Чтобы не было неясностей: Лямшин — предатель. Он на всех нас донес добровольно и за это ему скостили срок. Но мы решили ему этот срок немного ужесточить. Или кто-то считает, что предатель должен благоденствовать и в каторге?

Молчание

(Петрову, указывая на Газина.)
Милейший, ты можешь развязать
своего приятеля. Он ведь твой
приятель, правда?

Петров. Приятель.

Эркель. Развяжи его, не бойся.

Петров. А с чего вы взяли, что я
боюсь?

Эркель (пристально на него глядя).
Что, не боишься?

Петров. Нет!

Эркель. Совсем не боишься?

Молчание.

Мне кажется, мы поняли друг
друга...

Арина. Господин поручик, можно мне к сегодня в гости?

Эркель. Перестань болтать, у тебя муж рядом.

Арина. Фу, что я слышу от передового человека! Это даже и неостроумно...

Виргинский. Арина, прекрати!..

Арина. Еще и ты заговорил, тюлень? О боги, как невыносимо скучна каторжная повседневность революционерки...

Революционеры погружаются во тьму. Остальные каторжные остаются на светлом переднем плане. Все следят, как Петров развязывает Газина. Он возится долго.

Газин. Скоро ты, Петров?

Петров. Понавязали, понапутали...
Я и узлов-то таких не знаю!

Двугрошова. Да что же это на нас
свалилось?..

Рогожин. А что, господин
Достоевский, это и есть ваши
друзья-политические?

Молчание.

Недурно начали, право слово!
Глядишь, завтра с кого-нибудь и
шкурку построгают, а?

Алексей. Я же говорил: это очень
странные люди!

Раскольников. Странные —
конечно, мягко сказано... Но мне

другое непонятно» как они здесь появиться могли? Откуда? Федор Михайлович, это что, тоже ваши герои?

Достоевский. Я их не знаю, господа!.. Я впервые их вижу! У меня и в мыслях ничего такого не было никогда, поверьте!..

Липутин (кричит во сне). О-о-о-о!.. Режь его, режь!.. Под сердце коли, под сердце!.. Да ножик-то поворачивай!.. Вот так!..

Соня. Господи, да что же это?

Дмитрий. А вы уверены, что это люди?

Пауза

Достоевский. А кто же тогда?

Дмитрий. Не знаю. Так как-то само
сказалось... Не знаю!..

Распутанный Газин поднимается с
земли.

Газин. Вот, значит, как...
Мужеского пола много, а помощи
ждать неоткуда...

Рогожин. Газин, да кто же думал,
что тебя скрутить можно! Ты с
семерыми справляешься легко!..

Газин. И с этими бы справился, да
они верткие, ровно бесенята...

Алексей. Ты сказал «бесенята»?

Газин. А то!.. Бесенята и есть!

Из темноты высовывается
полуодетый Виргинский.

Виргинский. Господа, вы меня
звали?

Раскольников. нет, сударь.

Виргинский. А мне слышалось:
«Виргинский. Виргинский и есть».

Дмитрий. Да не звали мы вас!

Виргинский. Если что, господа —
зовите, не стесняйтесь!

Он скрывается.

Пауза

Рогожин. Нет, вы как хотите, а мне это все сильно не нравится... Сильно!..

Достоевский. Погодите, господа, погодите... Я уверен: здесь какая-то ошибка!.. Таких революционеров не бывает, просто не может быть!.. Да и людей таких невозможно себе представить... Это... Это же просто карикатура!..

Рогожин. А, так это, все-таки, ваших рук дело?

Достоевский. Да нет же!.. Все это совершенно не в моем стиле!.. Я таких героев и изображать бы никогда не взялся!.. Они мне просто неинтересны!..

Раскольников. Может, и так, да они-то — вот, перед нами! Разве с таким

возможно ужиться?..

Дмитрий. Ладно, господа,
пойдемте-ка спать, а утро вечера
всегда мудренее...

Соня. Родя, прошу тебя, будь
осторожен, не ссорься ни с кем!..
Помни, ты не один!..

Каторжные уходят в темноту,
женщины — куда-то в другую
сторону. Достоевский один на
сцене. Из темноты возвращается
Петров.

Петров. Федор Михайлович!..

Достоевский. Чего тебе, Петров?

Петров. Вы на меня не осердились,
что я вас давеча революционером
обозвал?

Достоевский. Что ж на правду сердиться, Петров...

Петров. Так вы себя до сих пор революционером числите?

Достоевский (задумчиво). Не знаю... Вероятно...

Петров. Бросьте!.. Вот эти пришли — эти да, революционеры...

Достоевский. Почему ты знаешь?

Петров. Да ведь видно!.. Знаете, как он на меня смотрел?

Достоевский. Как?

Петров. А так!.. Я сразу понял: такому море по колено. Он убьет, да тут же и спать ляжет! А наутро встанет — и не вспомнит, что убил!..

Достоевский. Думаешь, наш Газин лучше?

Петров. Лучше ли, хуже — не знаю... А вот тревожусь, только бы он с ними не стакнулся, а то тяжело всем придется... Слушайте, хочу вам вопрос задать. Позволяется?

Достоевский. Задавай.

Петров. А что, Федор Михайлович, каким таким образом писатель роман сочиняет?

Достоевский. Роман?.. Да это-то тебе зачем, Петров?

Петров. А просто, для развития мысли...

Достоевский. Странный ты... А впрочем... Сначала надо сюжет придумать, потом героев... Ну конечно, время, когда все это

происходило, да и место действия тоже... Мысль должна быть, для которой ты свой роман затеял... (Замолкает, стоит несколько секунд, потом машет рукой.) не слушай ты меня, Петров, чепуха все это... Ничего писатель не может придумать сам, ничего... Просто надо внимательным быть... К миру внимательным и к душе своей... Потому что герои вокруг тебя ходят, а мысль тебе свыше дается... Только ее услышать надо...

Петров. Имеющий уши да слышит?

Достоевский. Нет, ушей мало. И глаз, впрочем, тоже. А вот имеющий сердце — услышит. Должен услышать...

Петров. Ну тогда еще вопрос, для комплекта: я ножичек наострю, позвольте мне этого поручика

щекотнуть слегка?

Достоевский. Какого поручика?

Петров. Ну этого, Эркеля.

Достоевский. Ты что, Петров? И не думай такого — не позволю!..

Петров. Ну-ну... Ладно, поглядим, что дальше... Только зря вы так... Прощевайте пока...

Он уходит в темноту. Достоевский устраивается на ночлег где-то сбоку сцены. Вдруг приглушенные голоса заставляют его насторожиться. Из темноты выходят Эркель и Газин.

Эркель. Вот ты большой и сильный. Но ты один. А если мы против тебя вчетвером — крышка тебе!

Газин. Это давеча вы мне подножку сделали, а коли бы по честному...

Эркель. По честному?.. А ты маленьких детей по честному резал? Ты мне голову-то не морочь этой ерундой!.. Врага победить надо. А победителей не судят. Победителей некому судить.

Газин. От меня-то вам что нужно?

Эркель. Чтобы ты с нами был. Мы с тобой одного и того же хотим.

Газин. Откуда вы знаете, чего я хочу?

Эркель. Дурень, мы все знаем. Мы тебя насквозь как стеклышко видим. Будешь вместе с нами общему делу служить — все у тебя будет. Все, что захочешь!

Газин. А может, я больше всего

людей люблю мучить?

Эркель. И пожалуйста!.. Знаешь, сколько у нас врагов? Почитай, вся Россия! Уж поработать тебе придется, будь спокоен! Но зато как справимся с врагами — так отдохнем... Так отдохнем — небу тошно станет!

Газин. Эх, красно говорите...

Эркель. Мы не только говорим, Газин. (Вытаскивает портмоне.) Нака тебе для начала немножко денег. Можешь даже выпить за победу революции.

Газин. Денег? Деньги я уважаю!..

Эркель. Значит, и нас будешь уважать.

Газин. Благодарствую. Так мне идти теперь?

Эркель. Погоди, сейчас еще один товарищ подойти должен. Да вот и он.

Из темноты, крадучись,
пробирается Анджей.

Анджей. Вы меня позвали?

Эркель. Ну что, пан Анджей, далече
твоя любимая матка, далече
Польска твоя?

Анджей. Далече, пан...

Эркель. И ты уже перестал
бороться за ее свободу?

Анджей. То я в каторге! Как
бороться?

Эркель. Бороться можно везде, и в каторге тоже. Надо только найти своего врага. Кто твой главный враг, пан?

Анджей. Враг? Инвалид Степка.

Эркель. Ну, мелко берешь!

Анджей. Начальник каторги!

Эркель. Выше, пан, выше!..

Анджей. Русский царь и вся Россия!..

Эркель. Вот!.. Вот теперь ты увидел врага... (Встает, подает руку Анджею.) Руку, пан! (Рукопожатие.) Мы с тобой до смерти. Еще наша Польша не сгинела, пан!

Анджей. Еще Польша не сгинела!

Эркель. Будем готовить восстание.

Газин, Анджей теперь твой самый верный товарищ.

Газин. Андрюшка-то?..

Эркель. Газин, ты не забыл?..

Газин. Нет, отчего же... Можем и подружиться, еже что...

Эркель. О нашем разговоре — никому. Поняли?

Анджей. Так, пан.

Газин. Понятно.

Эркель. Теперь свободны.

Они исчезают. Эркель вытаскивает портсигар, закуривает. Неожиданно поворачивается в сторону Достоевского.

Федор Михайлович, вы делаете вид, что меня не видите, или притворяетесь, что я вас не вижу?

Молчание.

Может, поговорим, наконец?

Достоевский. О чем?

Эркель. О, нам о многом поговорить надо... Вот вы меня упрекали, что я слишком тороплив. А смотрите: десять минут разговора — и у меня два верных союзника!

Достоевский. Верных? Не смешите меня!.. Одного за деньги хотите купить, другого на том поймали, что Россию ненавидит — вот и вся их верность!..

Эркель. Ну и что? И прекрасно!..

Пусть ненавидят, пусть продаются — главное, чтобы общему делу служили! Между прочим, я сознательно их слабые места использую. Ничего нет сильнее человеческих слабостей, Федор Михайлович! Уж вам-то, как сердцеведцу, это знать полагалось бы... Идеалисты рассчитывают на высокие порывы — поэтому у них все всегда рушится! Реалисты рассчитывают на неизменность человеческую — поэтому своего всегда достигают!.. Кстати, не придумали еще, в чем будет ваша роль в организации?

Достоевский. В какой организации?

Эркель. В нашей, естественно. Ведь свою вы не удосужились создать.

Достоевский. Не беспокойтесь, Эркель... Я как-нибудь без вашей

организации...

Эркель. Да нет, теперь не получится... Теперь мы одиночек не потерпим.

Пауза

Достоевский. То есть, это что значит: «не потерпим»?

Эркель. А то и значит. Здесь вам не кружок петрашевцев. Здесь дисциплина.

Молчание.

Для начала сочините прокламацию на общую тему. Что-нибудь этакое:

«Бога нет, царя не надо»... Ну и так далее, смысл не важен. Попробуем распространить по баракам. Два дня вам на это хватит?

Достоевский. Послушайте, Эркель...

Эркель. Я вас внимательно слушаю.

Достоевский. Послушайте, милый мой мальчик... Ответьте мне честно: вы — мой бред?.. Или вы — мой грех? Ведь не может же быть, чтобы вы существовали на самом деле!..

Эркель. Ах, какой хитрый старик, что ему узнать захотелось... А отгадайте! Если угадаете, кто мы, я от вас отстану, право!..

Достоевский. Я знаю... Правильно вас Газин назвал... Я понял, кто ты...

Эркель. Т-с-с... Вот этого не надо. Давайте-ка спать, поздно уже. Тем более, что я и есть ваш сон... Может быть... (Уходя в темноту.) А насчет стишков не позабудьте... Что-то этакое: «Бога нет, царя не надо»... Ну да сами придумайте, ведь вы у нас писатель ого-го!..

Он скрывается.

Достоевский. Да что же это?.. То ли явь, то ли бред... Или у нас и бред явью становится?..

Входит Петров,. Его руки в крови, но он весел.

Петров. Все, Федор Михайлович!

Кончил я его... Руки дайте вытереть — столько крови натекло...

Достоевский. Ты что, Петров?..
Дерзнул все-таки?..

Петров. Я его два раза дерзнул — один в брюхо, а второй уж в сердце, точно... Дайте платок!..

Достоевский (подавая платок). Как же теперь, Петров?

Петров (вытирая руки). А никак! Всем молчать — самое лучшее будет... Да что вы хмуритесь? Радоваться надо, что от такого змея избавились!..

Вдруг он застывает в ужасе: из темноты на него идет Эркель.

Эркель. Не спится что-то... Зря мы с Газиным койками поменялись: не люблю спать на чужом месте...

Петров. С Газиным?..

Эркель. С Газиным, милейший .
Он, кажется, был твой приятель?
Ой, Петров, да ты весь в крови!..
Права Арина: много в Газине крови, верно?..

Петров (крестясь). Свят, свят, свят...

Эркель. Перестань, теперь не поможет!.. Кстати, Федор Михайлович, обратите внимание на психологическую деталь: только что человека убил и этой же рукой крестится!.. (Петрову.) Знаешь, что тебе за убийство от Бога будет? Как Он тебя жарить будет на красной сковороде?..

Достоевский. Да ведь по-вашему Бога нет? Или все-таки, есть?

Эркель. Есть или нет — не в этом дело. В конце концов, как нам удобнее, так и будет... (Петрову.) Кстати, я Газину десять рублей давал, господин Достоевский тому свидетель. А раз ты его убил — ты мне эти десять рублей должен вернуть. Понял?

Петров. Десять рублей?.. Где я такие деньги возьму?

Эркель. Вот уж это не мое дело. А за то, что покусился на мою жизнь — ты мне до смерти станешь служить. Да и после смерти тоже.

Он уходит.

Петров. Да что же это, Боже ты

мой, что же это за напасть?..

Слышен шум, женские голоса:

— Воровка!..

— Сами такие!..

— Да как ты смеешь?..

На сцену выкатывается клубок женщин. Груша и Двугрошова ведут за руки Арину, на которой Грушин платок. Следом за ними идет Соня.

Двугрошова. У нас здесь сроду-отроду воровства не бывало! Я тебе

ручонки-то повыдергаю!..

Достоевский. Что там случилось?

Груша. Новенькая воровкой оказалась!.. Платок мой утащила — это бы еще ладно, — так она по карманам нашим шарила, кошельки собирала!

Двугрошова. Руки оборвать!

Достоевский (Арине). Мадам, а вы точно за политику здесь? А может, за чей-нибудь кошелек?

Арина. Поговорите еще, господин сочинитель!.. (Женщинам.) Ну, дуры, погодите: придет вам пора рожать — тогда сами мне свои кошелки понесете, да я не возьму!.. Поймете, как без акушерки обходиться в вашей паршивой дыре!..

Соня. А вы акушеркой были?

Арина. Почему это «была»? Я, кажется, живая еще и мастерство мое при мне!.. А не верите — напишите в Тверь — там вам скажут, кто такая Арина Прохоровна и сколько она за роды получала!.. (Двугрошовой.) А для тебя, куриная башка, у меня такие средства есть — хоть по взводу зараз принимай безбоязненно!.. Ну да ведь ты дружить со мной не хочешь!..

Двугрошова. Ты зубы-то мне не заговаривай...

Однако, она уже ослабила свою хватку.

Арина. Живи как хочешь, девка...
Вон Сонечка — ходит, да молчит,
ссориться со мной не желает...
Сразу видно: женщина рожать
собралась, оттого уважает
акушерскую профессию...

Груша. Это что же: если ты
акушерка, так тебе и воровать
можно?

Арина. Мне все можно, Груня...
Все!.. (Приближаясь к ней.)
Хочешь, серьгу твою вместе с ухом
откушу? Ухо проглочу, а серьгу
выплюну... Хочешь, Грунька?

Груша. А может, лучше серьгу
проглотишь? А бы тебе обе сняла
для такого дела!

Арина. А, испугалась, милая!..
Ушки-то жалко!..

Груша. Нет, не боюсь я тебя,

акушерка. Кусай только с одним условием. Хочешь?

Арина. Что за условие?

Груша. Прежде чем кусать меня — перекрестись, да «Отче наш» прочтешь. Согласна?

Пауза

Арина. Ну а ежели прочту?

Груша. А тогда я в полном твоём распоряжении.

Арина (помолчав). А ты девка хитрая...

Груша. Какая тут хитрость? Разве в труд тебе — перекреститься, да

одну молитву прочитать? Ведь ты ее помнишь?

Арина. Может, и помню... А может, и забыла...

Пауза

Груша. ну так что? Принимаешь условие, ведьма?

Арина (в каком-то испуге). Что ты, я не ведьма!..

Груша (идя на нее). Угадала я тебя... Ведь угадала, бесовское отродье?..

Арина (отступая). Молчи!.. Молчи!.. Молчи!.. (Уходит в темноту).

Двугрошова. Раньше хоть в остроге защита была, а теперь и сюда нечисть пожаловала?..

Соня. Что делать-то, господин Достоевский?..

Груша. Мы бабы, надо мужчинам за это дело самим браться!..

Достоевский. А ну, собирайте сюда всю каторгу!

Слышен шум многих голосов, крики.

Двугрошова. Ох, опять что-то случилось: они все сюда идут!..

На сцену вываливаются все обитатели острога, старые и новые.

Впереди идет Эркель.

Эркель. А, и женщины наши здесь?
Прекрасно!.. Внимание всем,
внимание!..

Шум стихает.

Господа! Произошло чудовищное
событие. Неизвестный подлой
рукой сражен наш верный товарищ,
представитель нацменьшинства из
Казани Газин.

Соня. Газин убит?..

Груша (крестится). Господи...

Эркель. Он убит вскоре после того,
как влился в ряды нашей
организации, как начал не щадя
себя работать для революции...

Липутин. Странное совпадение!..

Эркель. Более чем странное совпадение!.. Пролилась кровь верного и беззаветного борца на общее дело...

Арина. Столько крови зря утекло...

Соня. Но кто же мог?..

Эркель. А вот это мы и хотим узнать!.. Но как найти убийцу, если он не собирается сознаваться?

Виргинский. Кому это выгодно?

Эркель. Правильно, товарищ Виргинский!.. Мы зададим главный вопрос революционера, срывающего все и всяческие маски: кому это выгодно? Так кому же это выгодно?..

Эркель обводит всех взглядом. Все молча смотрят на него. Только Петров, стоящий чуть в стороне, глядит куда-то в землю.

Давайте порассуждаем вместе... Когда самый сильный человек каторги, этот российский Илюха-Муромец ринулся в революцию, могло ли это понравиться купцам и дворянам, их женам и любовницам?

Ламшин. Куды-ы!..

Эркель. Правильно, не могло! Потому что уходила из-под их контроля великая народная сила, эта ребяческая удаль... Так ли мы рассуждаем?

Липутин. Дело ясное: дворяне да купцы!

Эркель. Правильно. Но кто был непосредственным исполнителем?

Трудная задача, неразрешимая задача... Но помог его величество случай! Один из наших товарищей оказался свидетелем страшного преступления. Сейчас он даст свои показания. Товарищ Анджей, пройдите вперед.

Анджей выходит.

Говорите, товарищ.

Анджей. То я ночью не спал, а читал брошюру товарища Эркеля. И увидел, как будто два призрака идут, но то были вовсе не призраки.

Эркель. Правильно, ничего сверхъестественного не бывает! Так

что же сделали эти непризраки?

Анджей. То подошли и двумя ножами зарезали товарища Газина. Вот так ткнули и вот так...
(Показывает.)

Эркель. Правильно. Так кто это был?

Анджей. Кто это был?..

Эркель. Да! Кто это был?

Анджей (собранный с духом). Да то были Достоевский и Рогожин Парфен.

Пауза

Рогожин. Что такое?

Достоевский. А ведь это уже не смешно.

Эркель. Это совсем не смешно!.. Вы спросите, как случилось, что бывший революционер Достоевский встал на путь обычной уголовщины? Очень просто: его сгубило личное честолюбие! Желая славы себе и своему так называемому петрашевскому обществу, он не мог потерпеть того факта, что на каторгу и в революцию пришли новые, молодые и сильные люди, что эти люди бесстрашно повели пропаганду и агитацию. Он просто не вынес нашего растущего влияния и отомстили нам!..

Голоса:

— Послушайте, да что это?..

— Не пора ли кончать балаган?

— Но Газин-то убит!.. Кем?

Эркель. Про Рогожина и говорить нечего — его амбиции миллионера известны всем! Но нас не запугать, господин Рогожин!..

Двугрошова. Ох и хорош свидетель...

Эркель. Кстати, свидетель у нас не один. У нас есть и второй! Товарищ Петров, выходи!

Петров, понурясь, делает два шага.

Не бойся, товарищ Петров! Сатрапы самодержавия бессильны против воли народа!.. Говори, что ты видел?

Молчание.

Смелее, Петров! Ведь ты видел то же самое, что и товарищ Анджей? Ведь то же самое, Петров?..

Петров. Ну... Вроде бы как... То же...

Эркель. Вот!.. «Вроде то же»!
Молодец, Петров, больше от тебя и не нужно ничего!.. Вы слышите, что говорит нам представитель простого народа?.. Достоевский и Рогожин, вы изобличены полностью!

Пауза

Раскольников. Что скажете, господа?

Дмитрий. Федор Михайлович, что делать нам?

Достоевский. Алеша монах. Пусть он нам скажет.

Алексей. Как монах, я должен к миру призывать... Но если мы сейчас стерпим этих — значит, мы вскорости и самого антихриста стерпим... Своим врагам прощать надо, но это же не наши, это Божии враги!.. Вон их отсюда.

Рогожин. Ко куда же вон?

Алексей. Из мира нашего вон. Во тьму кромешную...

Дмитрий. Что скажете, Федор Михайлович?

Достоевский. Гони их, Алеша.

Алексей. Я один?

Достоевский. Да ведь «монах» и значит — «один».

Соня. С Богом, Алеша!..

Алексей. Ну что ж...

Он медленно идет в сторону революционеров. Они сбиваются в кучку и настороженно следят за ним. Петров и Анджей стоят в стороне отдельно.

Алексей подходит к ним. Внезапно Эркель начинает говорить нечто не вполне подходящее.

Эркель. В результате естественной эволюции человек произошел от

обезьяны и поэтому его мозги...
его мозгат...

Алексей (твердо). Бесы, идите вон.

Пауза

Эркель. Это не есть правда...

Алексей. Бесы, идите вон!..

Липутин. Куда мы пойдём, куда мы пойдём?.. С каторги нас не выпустят, у нас срокат — будь здоров!.. Ты сам посуди...

Алексей. Именем Господа...

Эркель. Не надо!.. Не надо, право...
Лучше скажите конкретно, куда идти?..

Алексей. Во тьму кромешную.

Эркель. Извините, это на каком же основании? История человечества еще не окончена!

Виргинский. не имеете права!..

Эркель. Молчи, дурак! (Алексею.)
Если уж вы нас так не терпите,
позвольте нам всем уйти в стену, а?
Мы будем там сидеть тихо-мирно...

Алексей. В стену? В какую стену?

Эркель (показывает в сторону зала).
А вон в эту, в самую толстую...
Позвольте, сэр?

Пауза

Алексей. Идите.

Эркель делает знак своим и они гурьбой бегут на авансцену, спрыгивают в зал, помогают слезть Арине. И вот они уже стоят в зале и смотрят на сцену.

Вдруг срывается с места Анджей, бежит вслед за ушедшими, но на авансцене натывается на невидимую преграду. Он колотит кулаками в эту призрачную, но крепкую стену.

Анджей. Панове, подождите!.. Возьмите меня!.. Возьмите за собой!..

Все тщетно... Он опускается на пол и сидит, понурившись.

С этого момента находящиеся на сцене уже не видят и не слышат изгнанных.

Дмитрий. Неужто наша одолела?..

Груша. Слава Богу!..

Эркель (в зале). Рано радуетесь!.. Немного вам всем осталось, и России вашей скоро не будет!.. Да и что у вас там за Россия?.. Все это прошлое, сгнившее прошлое!.. А новая Россия будет наша!.. Новая Россия будет Не-Россия!.. Она у нас вот здесь будет, в этой уютненькой обстановочке... Здесь-то мы и дождемся своего князя!..

Липутин. Обязательно дождемся!..

Они поворачиваются к залу, оглядывают всех.

Эркель (задумчиво). А может, уже и дождались...

Липутин (в зал). Поднимайтесь, друзья!.. В фойе состоится траурный митинг памяти товарища Газина!..

Эркель. Виргинский, листовки в зал!..

Виргинский вынимает из-за пазухи пачку чистых листков, начинает раздавать.

Виргинский. Берите, господа... Читайте, товарищи!..

Эркель. Все на митинг в фойе!.. И запомните самое главное, друзья: общественные интересы выше личных, а личные выше общественных!..

Липутин. Правильно!.. Главное, чтобы всем интересно было!..

Арина. А кстати, милые дамы!.. Кому нужно безболезненно прервать и за весьма умеренную плату — имейте в виду, это уж точно по моей части!..

Эркель. Значит, так: начнем в фойе, а потом выльемся на улицу... Свобода в опасности, надо идти в массы!..

Липутин. Надо овладеть массами!..

Эркель. В душу надо влезать, в душу!..

Они гурьбой покидают зал.

Раскольников. Почему так грустно, господа? Ведь мы своего добились?..

Анджей (внезапно и страстно). Не добились и не добьетесь!.. То мы будем бороться и мы вам поборем!.. Наши еще вернутся, я это чувствую, я это знаю!.. Так, петров, так, товарищ?

Петров. Замолчать бы тебе, право...

Он поворачивается, чтобы уйти.

Достоевский. Погоди, Петров!

Петров (недовольно). Чего вам, сударь?

Достоевский. Хочу задать тебе

один-единственный вопрос.
Позволяется?

Петров. О чем вопрос-то?

Достоевский. Скажи, Петров: плох стал русский человек?

Петров. Я за всех не ответчик.

Достоевский. А за себя?

Петров. А я как все.

Достоевский. А если опять на Голгофу кого-то поведут?..

Петров. Да что вы пристали ко мне?.. Не мое это дело, высокие материи, понятно?.. Я — человек маленький!..

Он уходит в темноту.

Раскольников. А коли все такими маленькими станут?

Анджей (уходя вслед за Петровым).
То так вам и надо!.. И Россия ваша маленькая станет, как ваши люди!.. И царь ваш станет маленький, и Бог ваш станет с маленькой буквы — и добре!.. И пусть вас больше совсем на земле не станет — какие будут просторы для всего света да для нашей Польски!.. То так и будет, так и станет!..

Он уходит.

Достоевский. Что-то плохое нам пророчат, господа...

Дмитрий. Это ничего, это сгоряча...
Это он от обиды, а обида проходит...

Рогожин. Вы что ни говорите, а мельчает человек... Год от года мельчает... И вся-то его душа в такую маленькую скорлупку помещается, что просто — тьфу!..

Алексей. Тут-то самое страшное...
Ведь так измельчать можно, что и вовсе в букашку превратиться...

Раскольников. А я отчего-то с самого детства великим людям завидовал. Мне казалось всегда, что великие люди — очень счастливые люди... Их, правда, распинают, их очень любят распинать и мучить, — но ведь это ничего, верно?..

Достоевский. Это ничего...

Соня. А мне, право, всегда жалко

всех было: и тех, кто страдает, и тех, кто страдать заставляет... Ведь все мы умрем, а там-то, может быть, все и помиримся... То-то станет тогда обидно: что же мы друг другу здесь жизнь-то губили, что же не радовались каждому дню и каждому дыханию?.. Ведь жизнь для радости дана человеку... Ведь и в страдании — тоже радость?

Дмитрий. Умница, Софья Семеновна!.. Я это понял давно: жизнь: вообще-то, веселая штука!.. Так ли, господин Достоевский?

Достоевский. Так, господа. Жизнь — веселая вещь, только надо вытерпеть боль, чтобы это понять...

Конец

1994